

В музее Алёши Карахана. У фронтового знамени парашютно-десантного полка наши герои Владимир Вишивцев

Рабочая лошадь

ВОЙНЫ

текст Валерий ШТЕПО, подполковник ВДВ запаса, участник войны в Афганистане, член правления Самарской организации Союза журналистов России

Каждый год к назначенному дню съезжаются со всех сторон страны и света в село Быково, что под Москвой, бывшие бойцы 56-й десантно-штурмовой бригады. В Афганистане бригаду называли рабочей лошадью. Бойцы не обижались, тянули лямку войны, уходя в горы и пустыню – в рейды, засады, на перехват караванов с грузом оружия из Пакистана...
Вниманию читателей предлагаются рассказы – отметинки последней встречи.

Мальчишка Гришка

В ладном костюме-тройке с уголком пла-точка из кармана он изо всех сил старался выглядеть солиднее. Но, ухватив за галстук от Диора, прижимаюсь лбом не без морщин к его младенческой щеке:

– Привет! Гриша, чем ты питаешься, что никак не взрослеешь?

– Штуделем! – хохочет, и щёки розовеют ещё больше.

– Сынок, кушают их в Германии. Я пять лет там служил.

– Там и живу. Женился на немке.

...Помню его другим. Усталым, в пыли и с облупленным от солнца носом. Присел, не снимая рюкзака, опершись о камень. Рюкзак намного шире, чем грудь и плечи. Картина маслом: «Григорий и...» – нет, наоборот: «Рюкзак и Гришка». Но там, в горах, он казался всем старше своих восемнадцати лет. Есть такая пословица

у жителей пустыни: «Стрелка пронзает сердце верблюда». Стрелка – змея. При падении она сворачивается в вертикальное кольцо и, оттолкнувшись хвостом, взлетает стрелой для укуса. Я к тому, что равных Григорию в засаде, поиске душманского следа не было.

– Гриша, сколько тебе сейчас?

– И вы туда же. Паспорт заграничный оформлял – засомневались.

– А я и сам подсчитаю.

Так. 1980-й – год начала войны для него. Минус восемнадцать – родился в 1962-м. Вычтем из сегодняшнего 2014-го...

– Гриша, так тебе что, за полста?

– Вот и выпьем по столько же, – достаёт из-под подушки бутылку.

...На банкете – время четвёртому тосту. Поднялся Григорий:

– Ребята, я в прошлом году приехать не смог. Маму хоронил... За мам.

Наши очень красивые мамы

Этот тост, предложенный Григорием, станет традиционным, так решили мы все – сто тридцать однополчан.

И ещё двое. С нами за столом, а потом и все четыре дня – в храме, на кладбище, где покоятся погибшие в Афганистане, в музее школы, где учился наш Алёша КАРАХАН, были мамы однополчан, не вернувшихся с войны. АЛФИМОВА Зоя Ивановна – так похож на неё был Александр! Серафима Васильевна – мама Миши ПАНИНА...

*Раны, раны. Болят наши раны,
Нами схваченные в Афганистане.
Наши мамы состарились рано,
Наши очень красивые мамы.*

*Кем-то сказано, что мужчин
Украшают на теле шрамы.
Эти шрамы достались мамам
Всей ценой седины и морщин...*

*И сегодня идём в полный рост –
Уж такая нам выпала доля...
На своем поредевшем застолье
Мы за мам поднимаем наш тост.*

Он. Они. Каждый

Редает наше застолье. Очень надеюсь, что на следующем сборе обниму Игоря ЩАПОВА из Севастополя. Что-то нет его, и как-то

пусто. Но верю, увидимся. А с некоторыми теперь уж никогда...

И всё же хорошее наше застолье. Без лишнего трёпа, без песен. Шумим, но каждый может быть услышанным. Кто бы ни поднялся, зал смолкает. Ведь это он прикрыл тебя огнём. Он. Они. Каждый.

И вот так снова мы. Плечом к плечу – и прочь давившие тебя ещё вчера проблемы. Да и какие они в сравнении с теми, что были. А клонут – тут же рядом окажутся сидящие здесь сейчас самарцы Евгений НАЛИМОВ, Олег ЗАВАЛИШИН, Николай МАРАХОВСКИЙ, как уже было не раз. Позовёт что-то совсем тревожное – рванём в Кемерово к Владимиру ПЫХТИНУ, к Саше БЕЛОЗОРУ в Краснодарский край, к Николаю ЯКУТЕ в Ульяновск, к Василию ДЖАНТАЛИЕВУ и Рафу МАГОМЕДОВУ в Дагестан.

Тридцать пять лет прошло. Мы снова здесь вместе – сержант Сергей ГРИДУНОВ, рядовой Виктор МАСЯКИН, бойцы 4-го десантно-штурмового батальона. «А помните...» – и снова мы там, в далёком восьмидесятом...

Осторожно ведёт отца к столу сын – старший Лидерс ослеп, подорвавшись на mine. И подвигает стул однополчанину молдаванин Кавиоголу. Ослеп и капитан ВШИВЦЕВ. В штабе решили, что его разведчики из того тяжелейшего боя не вернуться. А он, раненый, ослепший, привёл всю роту. Если услышите о депутате Госдумы Владимире ВШИВЦЕВЕ – это он. О заслуженном мастере спорта по плаванию, добившемся этого звания слепым, – это тоже он.

Рядом с Владимиром Сергеевичем, как всегда, Арнольд Николаевич КАРАХАН, папа рядового Алексея КАРАХАНА, погибшего в Афганистане. И две мамы погибших сыновей рядом. С Владимиром Сергеевичем всегда как-то спокойнее, светлее. На душе.

Маргеловы

Все десантники России, ближнего зарубежья, да и дальнего, если ныне оказались там, именуют себя маргеловцами. Он не один десяток лет был командующим ВДВ Советского Союза. Герой Советского Союза не по случаю юбилейной даты, а за подвиг в бою на Великой Отечественной. Он корень славы десантников, исток их силы, пример на все времена.

Очень горжусь, что в моём личном деле две благодарности от МАРГЕЛОВА: сержанту и капитану. Он ушёл из жизни, но до сих пор портреты Василия Филипповича МАРГЕЛОВА на наших праздничных знамёнах.

И вот теперь, на слёте – встреча с сыном Маргелова, полковником ВДВ.

Сын пошёл по стопам отца. При таком бателе почему бы не служить в московских военных «офисах». А он – на Дальнем Востоке, да не в штабных кабинетах, а с командирской планшеткой. Отец не спешил сделать из сына генерала. Комполка – полковник. Это в самый раз, в отличие от некоторых сынков. Старшему ведь тоже Брежнев предлагал непьющее кресло коменданта Москвы, но: «Увольте, Леонид Ильич. Я какого-нибудь высокого гостя яблом пошлю на хорей – вот и международный инцидент...».

Перевели полк младшего Маргелова под Одессу – тревожно было на западных рубежах. Идут учения с десантированием, выброской боевой техники. Вылетает из самолёта малый десантный танк БМД и летит к земле. Со свистом. И вдруг из БМД автоматные очереди, ухнуло орудие. На лету, в падении. Небывалое дело.

– Это что же там за сукин сын сидит? – удивляется Маргелов, прилетевший с московской инспекцией.

– Это, извините, товарищу командующий, не сукин сын, а ваш, – отвечает начальник штаба.

Ныне сын – Иван Васильевич МАРГЕЛОВ – возглавляет Московский областной Союз десантников России. Фотографируемся на память.

«Верните нам Николая Ивановича»

Возвращаемся в Самару на машине. Четыре дня слёта пролетели, как день один. Только он вне часовых границ – столько в себя вместил.

Три часа ночи. Даже дальнбойщики прижались к обочинам: не железные.

Едем. В Самаре ждут поднакопившиеся дела.

«Зубова поляна. Село Умёт», – высвечивают фары указатель. Мангал придорожного кафе, как маяк, светится огоньками в ночи. Даже в его названии читается – слышится своё, доброе: «Русь».

Ох уж шашлык! А кофе – просто не верится, что простой, растворимый. Это очень добрые и приветливые руки накрывают наш столик.

Смотрим на часы, друг на друга, снова на часы – не торопимся.

– Сколько с нас, хозяйшюкка? – отрываем всё-таки себя от стола.

– Куда вы, полосатики? – встречный вопрос с кивком на тельняшки.

– Домой, в Самару.

Две милых женщины, переглянувшись, подходят к нам.

– А ничего вы не должны, если вернёте нам в Мордовию Меркушкина, – говорит старшая. На полном серьёзе, но в глазах её смешливые огоньки сменяются грустью.

– Вы знаете, каким он был у нас хозяином! Вот задержитесь на часик. До рассвета. И прокатитесь по сёлам. Дороги наши увидите.

– Торопимся очень. Работа.

– Ну, тогда ещё минуточку.

Фото на память с Иваном Маргеловым

Адрес землячек передан Меркушкину...

Ушла и вернулась с листочком бумаги:

– Передайте, если можно, Николаю Ивановичу. Тут адрес наш. Поедет в Кремль на машине – пусть заглянет. Накормим с душой. Адрес кафе на листочке и подпись: Галина Проккопьевна. Одна из сестёр, хозяйек кафе. Вот ведь как бывает: я сумел адрес и желание добрых женщин передать Николаю Ивановичу Меркушкину. Он пришёл в госпиталь ветеранов войн поздравить пациентов и медперсонал с Днем Победы. Передал. Но добавил просьбу нас, самарцев, не поддаваться на уговоры земляков. Он теперь наш. С Волги. Самарский губернатор.